

Наталья ГОРЯЧЕВА

ШНИТКЕ И ГОГОЛЬ. МЕРТВЫЕ ДУШИ

В феврале день рождения советского режиссера Михаила Швейцера, автора фильмов «Золотой теленок», «Маленькие трагедии», «Чужая родня» и других. Но для меня его главной работой останется сериал «Мертвые души».

Альфред Шнитке

И не в последнюю очередь благодаря гениальной музыке Альфреда Шнитке. Она уже давно звучит на концертах в виде сюиты, и публика принимает ее с восторгом. С одной стороны, это говорит о том, что композитор написал потрясающую партитуру, которая может прожить и без видеоряда, а с другой – о том, что Гоголь по-прежнему любим, узнаваем и не забыт. Поэтому речь пойдет не столько о кинематографе, а о том удивитель-

ном синтезе, соединившем такие фигуры, как Гоголь и Шнитке – при точном посредничестве режиссера.

«Мертвые души» знакомы нам со школьной скамьи, но, согласитесь, мало кто из нас возвращается к этой книге уже во взрослом возрасте. А зря. В памяти большинства остаются лишь какие-то номинальные детали: мол, был такой помещик Чичиков, кто скупал мертвые души, чтобы получить за них ссуду как за живых. Всплывают фамилии Манилов, Плюшкин, Собакевич, кто-то, возможно, еще вспомнит Петрушку и Селифана, и всё. В школе в основном рассказывают о том, что Гоголь обличает мещанство, и его Чичиков – пример зарождения русского капитализма. Отдельно останавливаются на его биографии, на поучениях отца: «Копи копейку! Лучший друг выдаст, а копейка нет». «Вот такой он, жадный до денег, этот Чичиков. Надо его поругать, это просто кошмар, а не человек», – говорили учителя.

А ведь Гоголь описывает совсем другого Чичикова – человека удивительно приспособляемого, умеющего нравиться, и даже внешность у него какая-то неопределенная, вроде как на любой вкус. Помните? *«В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод».*

Знатоки Гоголя утверждают, что «Мертвые души» – это плутовской роман, в котором отчетливо видны традиции народно-смеховой культуры. Писатель, эссеист, литературовед Александр Генис пишет:

«Первая задача учителя при чтении “Мертвых душ” – показать и объяснить юмор этой книги. И тогда любовь останется на всю жизнь... Ведь это – восторг, которым нельзя не делиться. Вот и радуешься открытию, неизвестно где скрывавшемуся от всех предыдущих прочтений. Я больше всего гордился разговором Хлестакова с Земляникой:

– Мне кажется, как будто вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

– Очень может быть...

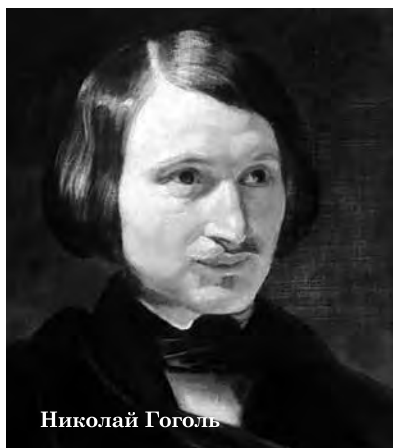
Другими словами, над текстом все должны смеяться, в классе парты должны ходуном ходить от хохота учеников... Замечили, многие фразы из книги давно ушли в народ. К примеру, “полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит” или “дама, приятная во всех отношениях», а любимая моя цитата – слова Ноздрева: “До забора мое, и за забором мое”.

Любопытно, не правда ли? Если читать «Мертвые души» под таким углом, то и впрямь проще увидеть, что это смешная вещь, и все персонажи в ней не живые люди, а карикатуры, куклы. Гоголь здесь не столько моралист, сколько великий игрок. Своими персонажами он играет, и играет гениально.

Пожалуй, из композиторов лишь Альфред Шнитке уловил эту игру. Просто потрясающе, как он просчитал писателя. Возможно, потому что Шнитке и сам был мастером маскировать серьезную музыку под развлекательную и проделывать обратный ход. Его музыка к «Мертвым душам» невероятно иронична. Каждый гоголевский помещик у него получил свою тему – фирменную шнитковскую пародию на какой-либо известный жанр или «штиль». К примеру, Манилов – это сентиментальный вальс, а Ноздрев – непременно мазурка. И складывается впечатление, будто «Мертвые души» Гоголь писал вместе со Шнитке. Я, конечно, утрирую, но попадание композитора в гоголевскую интонацию и впрямь феноменально. И здесь невозможно не сказать о Михаиле Швейцере. Его режиссура – редкий пример такта по отношению к литературному первоисточнику. Швейцера не стремился «современить» Гоголя, не сглаживал гротеск и не утяжелял текст морализаторством. Напротив, он позволил гоголевской условности остаться условностью, доверившись ритму, паузам, интонациям и... музыке.

Михаил Швейцера вообще обладал редким даром работать с классикой без нажима и иллюстративности. Его кино заставляет думать. В «Мертвых душах» он создает пространство, где музыкальная и литературная логика равноправны. Именно поэтому партитура Шнитке здесь не фоновая, а смыслообразующая.

Свой метод композитор назвал «полистилистикой» – соединением несоединимого. Он говорил: «Когда звучит радио, в то время как наверху кто-нибудь громко включает телевизор, а по соседству играют бит-музыку, “атмосфера Айвза” становится привычной. И я думаю о том, что, быть может, моя задача – закрепить весь этот стилистический калейдоскоп, чтобы суметь отразить что-то из нашей действительности». Проще сказать, что стиль Шнитке – это удавшаяся попытка объять как будто бы необъятное. Некоторые критики порой упрекали композитора, говоря, что у Шнитке «шизофреническая картина окружающей жизни», некий «дьявольский коктейль из цитат и стилей». На самом же деле, создавая музыку, композитор не воссоздавал дьявола и не пытался нарисовать шизофреническую картину. Напротив, для него это была форма борьбы со злом. Шнитке в это искренне верил и о Князе тьмы говорил неоднократно и абсолютно серьезно. Конечно же, читал роман Томаса Манна «Доктор Фаустус». Он вырос на немецкой культуре, был католиком, а символом зла считал... плягер. Вы не ослышались. Шнитке говорил, что нужно очень осторожно относиться к красивой музыке, потому что в ней может скрываться зло. И чтобы передать образы, связанные со страхом, смертью и злом

Николай Гоголь

Михаил Швейцер

вообще, Шнитке часто обращался к жанру – внимание! – вальса, танго, мазурки и другим популярным формам. Именно танец – древнейший атрибут нечистой силы и смерти. Не зря церковь отрицательно относилась к подобным увеселениям. Интересный момент, не правда ли? Потому и гоголевские помещики у Шнитке «танцуют» – словно участвуют в inferнальном бале. Ведь *«зло должно привлекать, должно быть приятным, соблазнительным, принимать облик чего-то легко вползающего в душу, комфортабельного, приятного, во всяком случае – увлекающего. Шлягер – хорошая маска всякой чертовщины, способ влезть в душу. Поэтому я не вижу другого способа выражения зла в музыке, чем шлягерность»*, – говорил композитор.

Мазурка Ноздрёва – резкая, хмельная, агрессивная – точно передает характер этого колоритного персонажа – импульсивного и вспыльчивого. Он всё время попадает в истории: то напивается в буфете, то его выводят из зала жандармы, то он врет, будто держал лошадь голубой или розовой масти. Главное удовольствие для Ноздрёва – *«нагадить ближнему»*. Причем, сделав это, он по-прежнему считает себя приятелем того, кому всё испортил. Он может одновременно хвалить и ругать, не стесняясь в выражениях: *«Голову ставлю, что врешь!»*, *«...ведь ты большой мошенник. Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве»* и т. д.

Выход Плюшкина сопровождается тиканием двух метрономов, каждый из которых живет своей жизнью. И это не просто звуковой эффект, а символ: перед нами мир механический, лишенный дыхания, духовности, мир мертвый. Плюшкин давно стал нарицательным обозначением людей мелочных, скупых, одержимых страстью к накопительству, духовно нищих. Помните, как Гоголь о нем говорит: *«Он ходил каждый день по улицам своей деревни, заглядывал под мостики, под перекладыны и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, – всё тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты... После него незачем было мести улицу: случилось проезжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигом отправлялась в известную кучу: если баба забывала ведро – он утаскивал и ведро»*. Шнитке буквально озвучивает гоголевскую метафору. А когда звучит «Похоронный марш», по сути – стилизация траурной музыки, он служит образу «смерти души» и абсурдности мира гоголевских героев.

Сериал Швейцера «Мертвые души» – редкий случай абсолютного художественного совпадения, где никто не перекрикивает другого: Гоголь смеется, Шнитке иронизирует, Швейцер молчит, заставляя думать, – и этим молчанием удерживает форму. Возможно, поэтому история продолжает звучать, а значит – души всё еще живы.

Когда Шнитке покинул этот мир, в журнале «Тайм» написали: «Беспопечная до предела, его музыка никогда не безнадежна. Местами безжалостная, она никогда не бывает унылой. Композиции Шнитке – вызов современной Европе, протест одинокой личности не только против нынешнего безобразия жизни, но и против более ужасного недавнего прошлого. На исходе столетия Шнитке внешне сумел заговорить от имени нас всех».